

— Какие стили боя ты использовал, Сенсома-кун? — с живейшим интересом спросил Хокаге, когда мальчик и его учитель подошли к нему и его жене.

— И что это за вульгарные потасовки в моем саду, Мадара-чан? — показательно спокойно подняла бровь Мито. — Мои «темные звезды»...

— Это тренировка, — с каменным лицом отвечал Учиха. — Малец смог меня удивить, прочитав Первое Томое...

— Первый уровень Ката?! — изумился Хаширама. — Как ты это сделал, Сенсома?!

Взгляды троих опытейших шиноби обратились на мальчика, почти не подающего надежд. Сейчас он виделся им не просто забавной диковинной зверушкой одного из Богов шиноби, а умелым воином, сумевшем дать бой сильнейшему противнику. Уважение и интерес — вот, что ощутил перерожденный в этих взглядах.

— Для начала, — Сенсома поправил очки, представляя, что находится в кабинете математики. — Я оценивал Мадару-сама с помощью собственного универсального стиля боя один на один. Он очень хорош в битвах против равных по габаритам соперников, но против учителя оказался почти бесполезен. Зато, я смог определить степень его верткости, с учетом послаблений, которые он себе позволил.

Мадара удовлетворенно кивнул, признавая, что дрался даже не в одну сотую от своей настоящей силы. Хаширама с интересом слушал, а его жена странно смотрела на мальчика, зная из своих фуин о нем очень много подробностей. И среди них не были умения и таланты к сражениям. Ни одного.

— Потом я сменил стойку и стал атаковать руками, забыв про ноги. Это позволило мне увеличить динамику боя и узнать, как Мадара-сама будет двигаться по большей площади поля боя, — Учиха вслушался внимательнее. — Стил, который Мадара-сама использовал, основывался на маневрировании в воздухе, за счет безупречной реакции и предугадывания действий противника. Другими словами: Учихи завершают свои движения небольшими подпрыгиваниями, после того как прочли по противнику, что он будет делать во время того, как их тело находится в воздухе. Если есть опасность подножки или же просто удобный случай для атаки с воздуха — прыжок становится выше. Если нет — подпрыгивание переходит в шаг и дает сблизиться с врагом.

— Это основа Первого Томое, — кивнул Мадара. — Не думал, что ты так быстро все поймешь.

— Я считал связки ваших движений, — пояснил Сенсома, только запутав всех. — Дело в том, что вы не воспринимали меня всерьез, так что больше шести действий в ответ на мою атаку не делали. Вашу скорость берем за «игрек», а мою за «икс». «Игрек» больше «икса» раза в два — вы жестко ограничили свою скорость Шаринганом. Добавляем эти знания в уравнение, которое высчитывает скорость, с которой я должен двигаться так, чтобы вы снизили «игрек», а максимум «икса» был бы близок к нему. Итог — ваш сапог оказался в моей руке.

— И ты предсказал атаку сверху, догадываясь, что мне будет слишком скучно делать что-либо другое, — задумчиво продолжил Мадара, в голове разбирая поединок вместе со словами ученика. — Отлично. Ты превосходно прочитал меня.

— Не прочитал, а просчитал, — поправил его Сенсома, чем вызвал снисходительные улыбки «взрослых». Он вздохнул. — Последним моим ходом был обман насчет окончания боя. Чтобы все выглядело неожиданно и смогло вас отвлечь от меня, нужно было закончить поединок

жирной точкой вашей победы. Из-за того, что вы мне поддавались, пришлось двигаться на максимуме моего «икс», из-за чего в последний момент вы и узнали, что я с самого начала боя специально замедлял себя.

— И уже потом понял, что ты успеешь дотянуться до моего затылка, когда я отвернусь...
— окончил легендарный Учиха. — Ты не танцуешь в бою, ты...

— Считаю, — улыбнулся Сенсома. — Я очень люблю математику. А применять ее в битвах гораздо интереснее, чем на бумаге.

Среди взрослых повисло задумчивое молчание, в ходе которого все пытались осознать степень гениальности ребенка. Несомненно — клан Нара нашел себе собрата по разуму, да только вот и они не часто доходят до столь сложных комбинаций прямо во время динамичного боя с сильным врагом. Мальчик привык думать постоянно, даже получая обидные тычки и пинки от веселящегося учителя.

— Превосходно! — обрадовался Мадара. — Ты мне идеально подходишь! А с твоей чакрой разберемся по ходу. Мито... — он запнулся. — Что ты увидела?..

Узумаки обвела всех серьезным взглядом и начала рассказывать. Будто зачитывая приговор.

— Сенсома Томура, семи лет отроду. Не так давно исполнилось, между прочим. Физические данные — средние у обычных шиноби и немного ниже нормы чем у клановых середнячков. Духовная составляющая развита превосходно, но и ее мало, чтобы дать много чакры. Итог по чакре — превосходный контроль, но чудовищно малые запасы. С такой шуткой богов только в фуин идти. Впрочем... я отвлеклась. Умственные способности поражают в обратную сторону, и мы видели это наглядно — Сенсома, ты — гений. Незашоренный разум позволит тебе легче, как мне кажется, создавать что-то новое, а малые запасы чакры рано или поздно поставят перед тобой огромную стену, которую придется обойти с помощью твоего ума. Уверена — ты справишься. Если захочешь — я могу попробовать тебя поучить фуиндзюцу, если Мадара-чан будет не против.

— Не возражаю, — сухо ответил Мадара. Никто даже не удивился — все уже поняли, что Бог Шиноби сделает все возможное, чтобы усилить ученика. Да и разузнать через него секреты кланового дзюцу Узумаки можно будет в любое время.

— Отлично, — серьезно кивнула Мито. — Сенсома трудолюбив и горит одним единственным желанием.

— Воля Огня! — загорелся Хаширама.

— Победы над врагами! — осклабился Мадара.

— Уж точно не поедание тортиков, — вздохнул Сенсома.

— Конечно, — усмехнулась Узумаки. — Тебе хочется сражений. Частые драки с детьми пресытили тебя, и теперь ты желаешь чего-то большего. Война — одно это слово заставляет кровь кипеть в твоем теле. Это не совсем нормально, но даже я могу тебя понять.

Взгляды упали на Мадару, опустившего глаза с суровой миной на лице.

— Что было, то прошло, — вновь вернул свое внимание Мито Сенсома. — Еще что-то?

— О да, совсем чуточку, — кивнула та. — У тебя странная форма пацифизма. Из всех сильных эмоций только те, которые ты испытываешь от битв и игры в настольные игры с Нара. Даже смерть родителей никаких впечатлений почти и не оставила. Тебе почти скучно жить, и тебе почти плевать на все и всех, кроме своего маниакального желания раз за разом сходиться в битвах... Это очень странно и грустно, Сенсома-кун...

Перерожденный не мог ничего на это ответить. Он и сам понимал, что за время его «детства» голод по настоящим битвам лишь разросся, дразнимый стычками с детьми. Бывший учитель перестал чувствовать себя человеком еще тогда, в приюте, так и не смирившись с тем, что он ребенок. Он подшучивал над взрослыми и умилялся, когда «пацаны» не достигшие даже тридцати лет, пытались учить его жизни или мнили себя умудренными людьми.

Он легко читал Мадару, что доказала та же битва, и спокойно переносил давление, исходящее от Мито-сама, когда та глядела на его нового учителя. Ему не было дела до деревни Скрытой в Листе, пока он мог здесь жить и учиться. Он чувствовал благодарность к клану Нара, но не мнил себя кем-то из их рядов. У него и друзей-то нормальных не завелось за семь лет детства! Так — знакомые и приятели, за исключением двух сожителей-мальчишек, ставших кем-то вроде малой семьи.

Но второй шанс в мире битв и «магии» был дан бывшему учителю математики явно не для того, чтобы он беспокоился по всем этим пустякам.

— Это, конечно, грустно, Мито-сама, — начал он осторожно. — Но как вам мысль создать накопитель чакры, который позволит высвободить ее в бою? Уверен, ваше мастерство фуин смогло бы помочь мне в исследованиях...

— Ну вот, что и говорила? — усмехнулась женщина. — Он уже думает о том, как помочь себе в битвах.

— И, все же, расскажи поподробнее, Сенсома, — наклонился Хаширама. — Накопитель чакры? Как фуин с медчакрой внутри?

Спустя три недели, после начала обучения Сенсомы у одного из Богов Шиноби, начались неудобные разговоры для ученика и учителя.

Придя с поздней тренировки в клановый квартал, глава Учих обнаружил своих соклановцев в чудовищно нервном состоянии. Будто пчелы, знающие, что медведь сейчас ворует их мед, но не могущие ничего поделать с этим. Проблема в том, что бурые никогда не нагнали до такой степени, чтобы прямо ВСЕ пчелы чувствовали себя ТАК плохо. Да и один из сильнейших кланов в мире в принципе не должен выглядеть так, как выглядит сейчас. Но Мадара знал, что могло так повлиять на родичей.

Тобирама Сенджу...

Альбинос обнаружился прямо в пустующем доме главы клана. Дверь Мадара закрывать не привык, ибо воровать в клановом квартале Учих могли только сами Учихи, а уж воровать у Мадары мог только Изуна. И это было давно. Так что беловолосый ждал лучшего друга своего брата в зале для гостей, церемонно сидя в самом центре и скрестив ноги. Лицо, при этом, у него было обыкновенное — будто он недавно застал любимую женщину за изменой.

Только у него никогда не было любимой женщины. А лицо было.

И вмазать по нему со всей дури хотелось даже сильнее обычного. К дождю, наверное...

— Зачем? — громыхнул Мадара, увидев в доме незваного и неприятного гостя.

— Нужно поговорить, — в тон ему ответил Тобирама. — И лучше бы тебе пойти со мной. Учиха.

Вспышка ярости на то, что гордое название клана из уст альбиноса слышится как оскорбление, и Бог Шиноби теряет драгоценные секунды, за которые младший брат его именитого тезки преспокойно проходит мимо. К дверям.

Заводить разговор Тобирама не собирался до самого выхода из квартала. Дальше Сенджу повел Учиху к набережной — в строящейся деревне была и такая. Красивое место, но слишком умиротворенное для пылкого Мадары.

— Итак, — вздохнул альбинос, которому тоже было трудновато начинать разговор. — Ты завел себе ученика...

— Это тебя... беспокоит?.. — нашел нужное слово удивленный путем развития разговора брUNET. Остальные слова произнести хотелось, но статус не позволял.

— Меня... беспокоит, — усмехнулся в ответ на словарный запас Мадары Сенджу. — То, как ты к нему относишься.

— Тебя не касаются отношения учителя и ученика! — отмахнулся тот.

— Меня касается все в этой деревне! — поднял громкость в ответ Тобирама. — И едущий крышей глава одного из сильнейших кланов — тоже!

— Повтори... — обманчиво тихо и спокойно потянул Мадара.

— Я бы понял, если бы ты привязывался к мальчишке, видя в нем память о брате, — на слове «брат» Учиха вздрогнул всем телом. — Не мне, конечно, говорить такое. Но знай — Изуна уже мертв! Ты не вернешь его даже если согласишься, что Сенсома — его перерождение или что-то еще! Ты не вернешь брата даже если убьешь меня!

С последним предложением альбинос попал в точку, ибо кунай в руке Мадары появился слишком быстро и, как бы, невзначай. Но Учиха сдерживал себя. Когда надо — он прекрасно это делал, кто бы что не думал и не говорил.

— Тобирама Сенджу, — медленно и со вкусом произнес вдруг Мадара. — Шиноби, убивший моего младшего брата. Человек, который максимально ненавидит мой клан. Воин, сумевший пережить столько, сколько многим и за несколько жизней не пережить. Беспокоится обо мне? Своем злейшем враге, который спит и видит, как твоя белобрысая голова, насаженная на кол, мертвыми глазами наблюдает за деревней во-о-он с той горы? Ты спятил, Тобирама?

Красные бесстрастные глаза Сенджу вперились в черные бездонные глаза Учихи. Мадара прочитал во взгляде давнего врага... нет, не сочувствие, но... понимание! Понимание и... недоверие...

— Тебе лучше перестать лепить замки из сладостей в своем воображении, — обронил альбинос. — Сенсома — не твой брат, и никогда им не станет. На твою черную душу мне плевать — пусть терзает себя хоть до скончания времен, но мальчишка... Ты можешь ему навредить. Мне и на него плевать, но, навредив ему, ты станешь причиной бед в деревне. А все причины бед в

деревне будут иметь дело со мной!

И Тобирама ушел, оставив Мадару в смешанных чувствах. Конечно, Учиха признавался себе, что видит в Сенсومه больше дух брата, нежели ученика, но навредить? Чем это он может навредить мальцу? Да он столько всего делает для него! Уже три недели Сенсома учится у Мадары, и его обучение дает свои первые плоды — мальчик стал заметно сильнее. Он превосходно познает все основы, и Учиха даст ему больше!

И уж конечно в смутных терзаниях Мадары не виноват приказ, отданный одному подающему надежды парню-Учихе, пару недель назад.

Клан нужно усилить, усиливая глаза его членов.

Сенсому тоже не обошли стороной неприятные темы, касающиеся его обучения у Бога Шиноби. Хотя и легендарных шиноби поблизости не наблюдалось...

— Он же злой, — допытывался Шиконад с друзьями, во время очередного сбора для игры в сеги. Играть в шахматы с Сенсомой уже всем надоело. — Какой из него учитель?

— Неплохой, — Томура сделал ход. — Через пару дней я начну познавать ниндзюцу. Пока мы проходим основы, и они довольно просты.

— Как расчленять людей... — хихикнул Чори Акимичи, сидевший максимально далеко от игровой доски и уплетающий за обе щеки какую-то гадость из хрустящей упаковки.

— Или как взрывать дома, пока жители спят, — нахмурился Шикокура. Он, как самый старший и умный, был официальным мнением компании. — Мадара сильный. Но он уж точно не хороший, Сенсома. Ты же это понимаешь, да? Мой отец не научит тебя многому, но, зато, после обучения у него ты сможешь стать нормальным шиноби. Деревня только разрастается, так что ей будут нужны такие люди.

— Папа говорит, что Мадара-сама не очень любит Коноху, — вмешалась Инори. — Его даже собственный клан не поддерживает.

Перерожденный молча делал ходы, выслушивая грязь про своего учителя. Он знал, что популярность сильнейшего Учихи в деревне оставляет желать лучшего, но чтобы настолько... Шикогеру, слава богу, не возмущался, ибо прекрасно все понимал — мальчику нужна сила, и дать ее ему сможет тот, у кого она есть.

Хаширама не стал бы заниматься с Сенсомой, каким бы замечательным тот ни был, и его брат — тоже. Мито-сама обещала дать пару уроков фуиндзюцу, но до них нужно дорасти, а именно — знать теорию по другим «дзюцу», да и на практике кое-что уметь. Никто из других клановых даже не рассматривался — для них сирота был забавной игрушкой одного из Богов Шиноби. Все.

— Мадара-сенсей довольно силен, — веско произнес, наконец, семилетний мальчишка. — Что касается силы — он знает практически все. Более того, в отличие от Хаширамы-сама, он может давать знания, которые я смогу использовать. До Сенджу мне не дотянуться, ибо ни Мокутона, ни таких чудовищных количеств чакры у меня нет и не будет никогда... Конечно, Мадара-сенсей далеко не идеален и, порой, жесток, груб и суров, но... Он не злодей. По крайней мере, ко мне он относится лучше, чем до этого любой из приюта.

Конечно его стали разубеждать. Отговаривать, смеяться. Дети, порой, бывают жестоки.

Шикокура уже почти вырос по меркам шиноби, но даже он не мог понять бывшего учителя математики. Впрочем, тот отдавал себе отчет в том, что, порой, сам не мог себя понять. Но Мадара ему был нужен, ибо другого такого великолепного учителя сражений будет не найти...

Все эти три недели учитель и ученик просто притирались друг к другу.

Бегали марафоны, чтобы укрепить тело (Сенсому было чертовски тяжело угнаться за двужилым шиноби), медитировали у водопадов для закалки духа (вода в этих водопадах была холоднее самой мерзлой из ночей, встреченных перерожденным в этом мире), спаринговались (Мадаре приходилось из раза в раз поднимать свой уровень, чтобы доминировать над учеником, ибо тот рос с поразительной скоростью) и изучали местные науки (география, язык и математика, пожалуй, это было самой простой частью тренировок).

Мадаре нравилась непосредственность своего воспитанника, который всегда искал и находил для себя что-то новое. Например — он постоянно экспериментировал со стилем бега. Левая рука к левой ноге и наоборот. Кучи новых упражнений, вариации стилей. Сенсома не просто мог совершенствоваться — он хотел этого! И Учихе нравилось то, что он видел...

С каждым днем воспоминания из прошлого несли меньше боли, а настоящее радовало куда сильнее. Мадару чаще стали видеть с улыбкой на лице, даже Хаширама с его вечным оптимизмом больше не вызывал прежнего раздражения. Отношение Мито совсем не колыхало душу Бога Шиноби, ибо теперь она — его коллега в воспитании ученика.

Ученика и маленького братца...

Пусть никому другому. Пусть, даже, себе не всегда и с оглядкой. Но Мадара начинал считать сироту клана Томура за брата. Не за нового родича, а за тень старого — Изуны. Ведь тяга к боям, остроумие, непосредственность и этот взгляд — все говорило о их связи!

Кроме глаз, портящих всю картину...

Деталь, кому-то другому могущая показаться неважной, выводила великого Учиху из себя. Временами ему хотелось схватить Сенсому и хорошенько тряхануть его, дабы он пробудил, наконец, свой Шаринган! Порой это желание становилось настолько сильным, что Мадара сам себя боялся. «Ты можешь ему навредить»? Эти слова, сказанные Тобирамой, пожалуй, были правдивы.

Может, но не станет.

— Сегодня у нас в планах стихии, — привычно сложив руки на груди, вещал Учиха своему единственному ученику, когда они добрались до места.

Как деревня шиноби, Коноха должна была иметь свои тренировочные полигоны, и первым из таких как раз и стал полигон номер двадцать четыре. Это число у Мадары вызывало противоречивые чувства, но было тесно связано с Изуной, так что «единички» и «нолики» шли мимо звания названия первого тренировочного полигона Деревни Скрытой в Листве.

Сам по себе полигон не представлял из себя ничего особенного — редкие деревья, места с частыми деревьями, кустарники и песок. Бревна для отработки ударов рук Мадара устанавливал сам, вручную. Единственным отличием этого полигона от других, строящихся в числе первых, было огромное количество мишеней, разбросанных по всей его площади. Учихи всегда славились своей меткостью в метании сюрикенов и кунаев.

Ну, а еще неподалеку было место, которое Мадара очень сильно любил. И пусть ради такого соседства приходилось каждый день бегать многие километры — лишняя тренировка Сенсому не помешает.

— Итак, какие стихии называют основными?

— Их пять, — прилежно отвечал Сенсома. — Огонь, Вода, Воздух, Молния и Земля.

— Самая сильная стихия?

— Ее нет. Все основные стихии потенциально равны. Каждая основная стихия имеет «врага» среди товаров и «слабака». «Враг» — стихия, которая заведомо сильнее. У Земли это — Молния. Зато Земля сильнее Воды — его «слабака».

— Отлично, — кивнул учитель. — Надеюсь, что и про остальных «врагов» и «слабаков» ты в курсе. Но что насчет других стихий? Я лично сражался с обладателем стихии Дерева — Хаширамой. Откуда она взялась?

— Кеккей Генкай, — отвечал ученик. — Это мутация или наследственность. Спящий ген или измененный. Таких имеется огромное количество по всему миру, но, в основном, они известны, как и их пользователи, ведь из-за привязанности генетики к Кеккей Генкай появляются целые кланы с уникальными генами.

— Пример.

— Клан Учиха с Шаринганом, клан Хьюга с Бьякуганом, у клана Сендзю изредка рождаются уникалы, способные использовать стихию Дерева. Еще есть клан Хатаке с уникальной чакрой, позволяющей им делать более сильные техники. Ну и много других...

— Действительно много, — Мадара хмыкнул и вытащил из-за спины папку. — Тут все известные кланы с Кеккей Генкай. И парочка не особо известных. Данные секретны, но не строго. Заучи их. Я начну спрашивать тебя об этом через три недели.

— Мне хватит меньше времени, — пожал плечами Сенсома. — Или у вас есть еще что-то новенькое?

— Именно, — усмехнулся Учиха догадливости Томуры. — Сегодня мы приступим к изучению ниндзюцу. Уверен — у тебя легко пойдет, ведь твой контроль над чакрой должен быть велик. Запомни — большие количества чакры важны, но если ты сольешь их все на одну атаку, то тебя сможет победить даже обычный человек. В мире, кстати, существуют воины, которые могут противостоять шиноби и без чакры, но таких мало.

— Совсем-совсем без чакры? — недоверчиво хлопнул глазами мальчик. — Что же это за монстры...

— В основном — умелые мечники, — отмахнулся один из величайших шиноби в мире. — Не отвлекаемся. Контроль позволит тебе легче усваивать техники, а значит — быстрее обучаться. Теоретически, ты сможешь использовать ирьениндзюцу, но только на себя — чтобы лечить других, нужно обладать достаточными количествами чакры. Для стандартных техник многого не надо — сложи ручные печати правильно и подай чакру в нужное место.

— Зачем нужны эти печати? — Сенсома неумело переплел пальцы, с мрачной миной наблюдая некоего осьминога у себя вместо конечностей. — Неужели нельзя применять техники без них?

— Можно. Но это потребует не просто хорошего контроля, а идеального. Если разделить контроль чакры на ступени, то... Думаю — мой контроль можно назвать тотальным, но и так — я могу управляться со сложными техниками огня, используя лишь одну, главную печать. На порядок сильнее контроля чем у меня я не встречал, но не исключаю, что такие люди есть. Эти люди смогли бы использовать техники без рук. Но это лишь теория.

— Я смогу добиться такого?

— Сначала просто добейся хоть чего-то, — взъерошил волосы мальчику Бог Шиноби и улыбнулся. — С сегодняшнего дня мы будем изучать ручные печати. Удели им особое внимание — парни с быстрыми руками способны создавать техники почти мгновенно, а в бою важно что?..

— Скорость, сила, умение, — отрапортовал Сенсома. — Ну и по мелочи...

— «По мелочи»... — сделал вид, что нахмурился Мадара. — Эти мелочи стоят многим жизни. Впрочем, основное ты сказал. Смотри — эта печать основная, называется Тигр и используется, преимущественно, в техниках Земли и Огня...

За неделю Сенсома смог научиться правильно складывать любые последовательности печатей на приличной скорости. Это была несложная наука, требующая усидчивости и терпения, так что бывший учитель справился на раз.

По мере изучения печатей, мальчик получал от учителя теорию о ниндзюцу и гендзюцу. Если обычные «суперспособности» у мальчика должны были получаться неплохо, ввиду прекрасного контроля над малым уровнем чакры, то техники иллюзий, казалось, были созданы специально для таких как он. В них не нужен был аналог «лома» из чакры, там нужна была «отмычка», дарующая пользователю ключик к сознанию противника.

У клана Учиха такой отмычкой был Шаринган. Его даже можно было назвать универсальным ключом, хотя некоторые могли сопротивляться его влиянию.

— Чтобы выйти из гендзюцу, нужно понять и принять нереальность творящегося вокруг, сложить печать и крикнуть кодовое слово. Иногда последние два пункта можно опустить, — скучным голосом вещал Мадара, сидя на огромном фиолетовом камне в форме лица Сенсома. — Ты же все это знаешь — почему твое сознание еще здесь?

— Я хочу понять одну вещь, — мальчик изобразил работу мысли на лице. — Вот моя рука. Все это находится внутри моего сознания, но тело-то «там». Могу я двигать телом, находясь тут?

— Сознание оторвано от тела, — нахмурился Мадара. — Хотя... Если бы твое тело могло делать что-то бессознательно...

— Например — подавать чакру в мозг, отрезвляя его, — подхватил Сенсома. — Допустим — если тело не двигается дольше минуты.

— Ты не сможешь спать, — издевательски улыбнулся Мадара. — Хотя сон — это тоже гендзюцу в своем роде.

Учителю Томуры доставляло нешуточное удовольствие указывать ученику на его ошибки, ибо их было чрезмерно мало. А уж садясь на свой конек — выдумывание всяких извращений с

использованием чакры, он становился дико похож на одного альбиноса, а потому мужчина просто не мог удержаться и не подколоть мальчика.

Пусть и делал он это довольно косноязычно.

— Тогда нужно просто заставить тело двигаться, — все размышлял ученик. — Реагировать на внешние раздражители. Вот вы сейчас подойдете ко мне и приставите кунай к моему горлу. Я тут даже не почувствую.

— Не чувствуешь? — поинтересовался Мадара.

— Совсем, — мальчик потрогал шею. — Хотя иллюзия слабенькая, так что если вы сделаете надрез — я пробужусь.

— Пожалуй, нет, — учитель сидел там же, где и в самом начале. — Какие мысли?

— Опытный пользователь гендзюцу может запутать мозг человека и легко победить. Таких ловкачей мало, но у Учих есть неплохие задатки. Следовательно главное — понять, что ты в иллюзии. Если не сделать этого — ты проиграл. Но если иллюзия совсем-совсем умелая... Мда-а-а... Уверен — тренированное тело может двигаться даже без сознания, но как этого достичь?

— Я не могу, — признался Мадара, убирая кунай с горла вышедшего из гендзюцу ученика.

— И я не могу, — мальчик вздохнул и поправил очки. — А хочется...

Тренировать гендзюцу пока не начинали, лишь проходили теорию. Для начала Сенсому нужно будет выбрать свой способ воздействия на мозг — через что подавать чакру в голову противника. Вариаций было достаточно: запахи, звуки, специальные прикосновения и так далее, но перерожденный хотел в свой арсенал что-то нетипичное и действенное.

Первые тренировки Ниндзюцу начались, как всегда, с пробежки до полигона, пары спаррингов, в ходе которых Сенсому раскусывал Третье Томое — заверченный стиль боя Учих. Со Вторым он справился за пару недель, а это ему одолеть не выходило уже дольше. Еще небольшой тест по знаниям Сенсомы, прошедший довольно быстро и без огонька — Мадара знал, что его ученик все зубрит на совесть.

— Ладно, — остановил Сенсому Учиха, когда тот стал перечислять пространственно-временные техники. — С этим закончим. Сегодня я научу тебя первому ниндзюцу, которое ты будешь совершенствовать. Чем чаще ты используешь одну конкретную технику, тем выше твой над ней контроль и КПД соотношения чакры и силы. Другими словами — повторив технику свыше миллиона раз, ты сможешь почти не замечать изменений в чакре после нее, если она не очень сильная. Конечно, у тебя не будет столько времени на одну технику, но важен сам факт, что стараниями можно нивелировать некоторую разницу между тобой и шиноби с нормальным уровнем чакры.

— Тогда почему слабые шиноби не тренируются в поте лица? — не понял Томура. — Ведь это их шанс стать сильнее. Миллион раз! Уверен, многие техники можно будет так «прокачать» за год. Вернее одну в год, но и это уже неплохо.

— Владея одним приемом, бой не выиграть, — поднял палец вверх учитель. — Приоритет шиноби номер два?

— Быть разносторонним, — послушно отвечал малец.

— Молодец. Теперь запоминай последовательность: Тигр, Кролик, Свинья, Собака. Это Земляная Стена. Она довольно проста в освоении: подаешь чакру в руки, а после переливаешь ее из рук в землю в нужном количестве. Я не смогу тебе объяснить, как регулировать высоту, ширину и твердость техники — это ты поймешь сам.

Мальчик старательно сложил печати и приложил руки к земле. Он выкрикнул название техники и подал чакры — Шаринган это явно видел, но... техника не сработала.

— Чакра просела на десять процентов, — задумчиво цокнул языком Мадара. — Плохо, но это — твой первый раз в ниндзюцу вообще. Почти ни у кого не получается. Продолжай пробовать.

Еще десять попыток — мальчик по ходу разбирался в контроле и смог снизить потребление чакры, но добиться результата не вышло. Одиннадцать-двенадцать попыток, и чакра будет на нуле, а результата нет.

— Нормально, — подбодрил его учитель. — Чакру ты тратишь, а значит — раскачиваешь контроль и саму технику. Учить с нуля всегда тяжело, но поняв принцип, ты сможешь осваивать другие ниндзюцу быстрее. Теперь же, когда в твоём теле почти не осталось чакры, давай проведем физическую тренировку — тело от такого развивается быстрее, и тебе — слабосилку в чакре — это очень удобно.

— А у вас тело не такое уж и накачанное, — парировал мальчик, делая первое отжимание.
— Вот уж где чакра вредит.

— Мне не вредит, — задрал нос Мадара и сделал пару кругов вокруг полигона.

Еще четыре дня перерожденный раз за разом тратил всю свою чакру для получения удовлетворительного результата, но его не было. Контроль действительно был неплохим для новичка — расходы чакры снижались уверенно, ибо мальчик понял суть экономии, но вот добиться нормальной стены... удалось лишь на пятый день.

— Отлично, — удовлетворенно улыбнулся Мадара, глядя на ученика, сидящего за метровой стенкой из камня. — Прочность, правда... — пинок с напиткой ноги чакрой проломил препятствие легко. — Пока никакая, но сама суть. Дальше будет легче.

И дальше действительно стало легче, ведь бывший учитель математики понял сам принцип. Для него случился прорыв, и уже за две недели Земляная Стена была усвоена им на отличном уровне, и это при том, что Мадара дал ему за это время две новые техники — Технику Сокрытия Крота и Технику Каменного Клонирования — два полезнейших для боя ниндзюцу.

С обучением этой стороне силы шиноби у мальчика проблем не было, так что Учиха решил, наконец, отпустить его к Мито на некоторое время. Самому Мадаре предстояло выполнить парочку миссий, которые на него повесил Хаширама на прошлой встрече с Дайме, а также кое-что сделать в клане.

Мито и Сенсома прекрасно ладили друг с другом, когда великого Учихи не было рядом, ведь при нем мальчик держался на его стороне, что не могло оставлять Узумаки равнодушной.

Мальчику удалось (пусть и с огромными рисками для жизни) разузнать полную историю ненависти этих двоих. Все оказалось просто — Изуна Учиха влюбился в лучшую подругу Мито, и та ответила тем же. Но кланы не собирались идти им на уступки, как и сама нынешняя жена Первого Хокаге, так что подруге не оставалось ничего другого, кроме как отказаться от своих чувств. Мадара, в этом плане, был более снисходителен и помогал брату всякий раз

пробираться на территории Узумаки. Потасовки с братьями Учихами стали обычным делом для клана красноволосях.

Тогда-то клинок Мадары и прошелся по груди Мито...

Женщина просто вскипала, вспоминая самодовольную ухмылку этого идиота, когда тот догадался еще и сзади поработать мечом. Кровотечения были сильны, а сами потери ужасны, но клан Узумаки всегда славился своей живучестью и фуиндзюцу, так что Мито смогла себя вылечить и вернуть утраченное еще на поле боя.

Но шрам на душе никуда не делся, как и пунктик в отношении старшего главы клана красноглазых.

Однако, к его ученику женщина быстро нашла подход (или все было наоборот?). С почерком у него были явные проблемы, но зная как Нара обучают детей — можно было не удивляться. Когда мастер фуин взялась за дело, руки у Сенсомы выпрямились, как и линии, чертимые им. Мито всегда считалась превосходным преподавателем, обучая детей в клане, а этот мальчишка еще и прекрасно умел познавать новое, так что быть ему мастером в техниках запечатывания через пяток лет!

К тому же — в эпоху войны люди привыкли использовать что-то уже созданное, а не развивать техники. Поэтому новое поколение, обладающее незашоренным разумом, могло порой сильно озадачивать «стариков», как это часто делал Сенсома, предлагая гениальные идеи по использованию чакры. Тобирама тоже был сведущ в новинках и усиленно работал над созданием новых техник, так что Узумаки бы предложила Томуре сходить к нему, но... Младший Сенджу, мягко говоря, не любил, когда по его лаборатории ходили чужие.

А чужими в его лаборатории были все. Даже брат.

Так что и приходилось жене Первого выкручиваться и давать все более сложные и сложные знания о печатях на свитках и вообще поверхностях.

— Фуин — техники запечатывания. Обладая нужными знаниями и умениями можно запечатать все что угодно — чакру, вещи или же живых людей. Работает фуин на специальных формулах, так что тут важна точность их рисовки и построения. С этим у тебя проблем не будет через пару лет — ты поразительно старателен, Сенсома-кун.

— Спасибо, Мито-сама. Так что насчет техники увеличения резерва?

Узумаки вздохнула. То, что требовал от нее мальчишка с самого начала их знакомства, казалось ей чем-то маловозможным. Для того, чтобы собрать чакру на своем теле, даже используя фуин, нужно обладать идеальным контролем этой самой чакры и знать многое о строении чакроканалов и устройстве тела шиноби. Его просьба была равна вершине фуиндзюцу и ирьениндзюцу. Таких высот Мито не могла ему открыть — сама не знала.

— Тебе следует поговорить об этом с кем-нибудь из медиков, — отвечала Узумаки.

— Желательно — опытным. Сделать печать на теле несложно, но чтобы вливать в нее свою чакру да еще и в фоновом режиме... Это должно стать рефлексом, но при этом не забирать у тебя все запасы, оставляя сколько-то... Не знаю, Сенсома, возможно ли это. В любом случае — я помогу тебе, как только ты будешь готов постоянно передавать излишки своей скромной чакры в Печать. Думаю, что где-то в шесть раз резерв должен будет увеличиться. Если эта техника вообще получится...

— Шесть-семь — идеал, — вздохнул Сенсома. — Идеал почти недостижим. Мне бы хотя бы в разика четыре...

— Все зависит лишь от твоих умений и старательности, — улыбнулась женщина. — Через три дня вернется твой основной учитель, так что давай поторопимся выучить пару легких печатей.

За две недели отсутствия Мадары, Мито научила Сенсому немногим фуиндзюцу, но дала главное — основы. Теперь мальчик сам мог экспериментировать, но только под присмотром того же Мадары — не хватало еще такой талант загубить. Вместе с Томурой, Узумаки составила план его приходов к ней каждую неделю и график его успеваемости — по всему выходило, что за три года, к своему десятилетию, Сенсома сможет узнать от Узумаки все, что она может ему дать.

Ирьенина найти пока не удавалось, так что и мысль о Печати увеличения резерва чакры была отложена в долгий ящик.

Зато мальчик начал усиленно практиковаться в тайдзюцу, ради исполнения двух своих задумок — выхода из гендзюцу (или, на худой конец, сражения под его действием) и технике, использующей скрытый потенциал человеческого тела.

Бывший учитель математики начал обучение всего одиннадцать недель назад, но уже узнал столько, сколько не знают даже клановые дети, которые старше его на пару лет.

В среднем, конечно же.

<http://tl.rulate.ru/book/56490/1441193>